

От Заката до Восхода

Мы не проповедуем войны – уже по одному тому, что такая проповедь была бы слишком смешна из наших слабых уст; мы утверждаем лишь... что борьба неизбежна... Европа не случайно, а существенно нам враждебна; следовательно, только тогда, когда она враждует сама с собою, может она быть для нас безопасною.

Николай Данилевский

Я, пожалуй, на стороне зомби. Они хорошие парни – то есть, разумеется, они не хорошие парни, у них, знаете, есть проблема. Но они не врут, не жульничают. Они довольно откровенны. Понимаете, я... вырос с этой идеей – я американец. Американцем быть круто. Я думал, что мы единственные хорошие парни на свете. Со временем я понял, что это ничего общего с действительностью не имеет. Я просто не смогу тебе объяснить, как я разочарован.

Джордж Ромеро, классик фильмов о Зомби-апокалипсисе

Весна новой России, Христовой Руси, начинает заявлять о себе первой зеленью и цветами. Россия вступает в свою миссию. Россия, без которой нельзя существовать ни Востоку, ни Западу, постепенно выходит на свет.

Свт. Николай Сербский (Велимирович)

Украинский кризис – момент истины в отношениях между Россией и Западом. В предшествующие годы и века Россия (Московия, СССР и т.д.) выступала в качестве участника «европейского концерта», примыкала к тем или иным коалициям. «Русский фактор» не дал реализоваться двум грандиозным евроинтеграторским проектам – наполеоновскому и гитлеровскому, – благодаря которым «западный мир» мог бы полностью «консолидироваться» не в конце XX века, а раньше. Противостояние мира коммунизма евроатлантическому миру разыгрывалось по западным партитурам и в западном стиле. И только весной 2014 года карты вскрылись – Россия (если судить по официальной позиции государств Европы, Северной Америки и их цивилизационных союзников) оказалась в изоляции. В унисон с евроатлантами не играют разве что Китай (игрок сильный, но всегда солирующий) и некоторые развива-

ющиеся страны Азии и Латинской Америки, недовольные «однополярностью», но в той или иной степени зависимые от Запада экономически и культурно.

Украинский кризис – всемирно-исторический момент истины. Решается судьба Запада, судьба России и всего человечества. Осмысление и непротиворечивое описание происходящего, основанное на определенной системе аргументов, сегодня необходимо жизненно. Потому что на локальной гражданской войне в соседней стране гибнут первые жертвы очередного необъявленного *Drang nach Osten*'а, претендующего на «окончательное решение русского вопроса».

Россия и Запад

Общую судьбу России и Запада можно понимать и анализировать, но невозможно предсказать. Потому что мировой опыт

«заката» одних культур и «восхода» других не помогает – уникальны как современный Запад, так и его возможности в отношении других человеческих сообществ и всего человечества.

Освальд Шпенглер, многое говоря о *качественной* уникальности западной культуры, в контексте своей борьбы с «концепцией линейной истории» не концентрирует внимание на том, какой колоссальный *количественный скачок* сделал предзакатный Запад и какие фатальные последствия для человечества эта количественная глобальность западной культуры имеет с учетом специфики «западной души».

Специфику Запада предтеча Шпенглера Николай Данилевский сводит к «чертам романо-германского национального характера», главной из которых он называет «насильственность (*Gewaltsamkeit*)». По его мнению, насильственность «есть ни что иное, как чрезмерно развитое чувство личности, индивидуальности, по которому человек, им обладающий, ставит свой образ мыслей, свой интерес так высоко, что всякий иной образ мыслей, всякий иной интерес необходимо-должен ему уступить, волею или неволею, как неравноправный ему. Такое навязывание своего образа мыслей другим, такое подчинение всего – своему интересу даже не кажется с точки зрения чрезмерно развитого индивидуализма... чем-либо несправедливым. Оно представляется как естественное подчинение низшего высшему, в некотором смысле даже как благодеяние этому низшему [сэр Редьярд прямо предложил Белому человеку: «*пошли своих сыновей на службу тёмным сынам земли*». – Д.Ю.]. Такой склад ума, чувства и воли ведет в политике и общественной жизни, смотря по обстоятельствам, к аристократизму, к угнетению народностей или к безграничной, ничем не умеряемой свободе, к крайнему политическому дроблению; в религии – к нетерпимости или к отвержению всякого авторитета. Конечно (старается соблюсти объективность Данилевский), он имеет и хорошие стороны, составляет основу настойчивого образа действий, крепкой защиты своих прав и т.д.».

Оценка Данилевского, которого с легкой руки Владимира Соловьева давно зачислили в обскуранты, эффектно резон-

нирует с выводами Шпенглера. «Западно-европейский человек, причем всякий, без исключения, пребывает... в плену колоссального оптического обмана. Все друг от друга чего-то *требуют*. Фраза “ты должен” высказывается в том убеждении, что здесь в самом деле что-то должно и может быть изменено, оформлено, упорядочено. Вера в это, как и в соответствующее право, оказывается непоколебимой. Здесь приказывают и требуют повиновения. Это-то в первую очередь и *именуется* у нас моралью. В нравственной сфере Запада все оказывается... претензией на власть... В этом нет никакой разницы между Лютером и Ницше, папами и дарвинистами, социалистами и иезуитами. Их мораль заявляет о себе вместе с претензиями на всеобщую и долговременную значимость... Всякий, кто мыслит, учит и волит как-то иначе, – грешник, отступник, короче, *враг*. Ему объявляют беспощадную войну... Неправильно связывать с нравственным императивом христианство “как таковое”. Это не христианство переформатировало [западного. – Д.Ю.] человека, а он переформатировал христианство, причем не просто в новую религию, но и в направлении новой морали... Воля к власти также и в области нравственности, страстное желание возвысить собственную мораль до всеобщей истины, навязать ее человечеству, желать... уничтожить всё, что не таково – вот исконнейшее наше достояние...». Так полагает искренний прусский националист и высокообразованный европейский интеллектуал Шпенглер.

Эта уникальная специфика Запада, претендующего на экспансию глобальную, то есть всепланетную, а главное, в принципе не способного к сдерживающей рефлексии и всегда уверенного в нравственной оправданности своей экспансии, за время становления западной цивилизации уже привела к нескольким необратимым и страшным последствиям. Западный мир – единственный мир-убийца: на его счету гибель как минимум двух самостоятельных цивилизаций (ацтеков и инков), уничтоженных конквистадорами похода, без особой необходимости и даже без осмысленной цели. В этом – полное несовпадение западного «большого стиля» с экспансией Римской империи (которую Запад ошибочно счита-

ет своей прародительницей), равно как и со становлением «русского мира», российской колонизацией огромных евразийских пространств.

Римские когорты, входя в города и подчиняя народы, брали под контроль только одно – систему управления. Формальная, управленческая лояльность со стороны «захваченных» в обмен обеспечивалась фантастической (с современной европейской точки зрения) идеологической лояльностью «захватчиков», доходившей часто до включения локальных богов в единый имперский пантеон. Иной, но также вовлекающей, гармонизирующей, была русская экспансия: в отличие от римлян, русские «колонизаторы» претендовали даже не на управленческую лояльность, а зачастую на «личные», «доверительные» отношения, на, как ни смешно это покажется, «дружбу народов» под эгидой белого царя.

Скорее всего «русский мир» попросту не выдержал бы прямого столкновения с Западом, если бы его – вопреки мнению славянофилов – не спас Петр Великий. Интересно, что Шпенглер и Данилевский парадоксально расходятся во взглядах на роль Петра I в русской истории. Оценка Шпенглера полностью совпадает с оценкой славянофилов: «Петр Великий сделался злым роком русскости... Народу, чье предназначение – еще поколениями жить вне истории, была навязана искусственная и неподлинная история». Славянофил Данилевский, со своей стороны, признает Петра спасителем «русскости» – если бы не насильственная и искусственная европеизация русской жизни, полагает он, Россия не вынесла бы предстоящей борьбы против неминуемого *Drang nach Osten*, она просто не получила бы для самозащиты необходимых инструментов, хотя ценой их получения и стал «величайший вред будущности России» – «искажение народного быта и замена его форм формами чуждыми».

Результатом «петровского псевдоморфоза» русского культурно-исторического типа становится не только выживание и сохранение России, ответившей Западу на его языке и его оружием, но и участие России в европейской истории не в своей роли и не всегда в своих интересах. Данилевский приводит долгий перечень неспра-

ведливостей и травм, нанесенных России неблагоприятными «союзниками», то и дело спасаемыми силой русского оружия от собственных, европейских, соседей (Пруссия и вся Европа от наполеоновской Франции) или даже революционеров-сепаратистов (Австрия от венгерских повстанцев). Апофеозом неблагодарности становится, по его мнению, несправедливая и предательская Крымская война, впервые убедительно показавшая России, что ее в Европе не считают «своей». Однако урок не пошел впрок – Россия своей *отдельности от Запада* так и не признала.

В XIX веке Европа для образованных русских – это «любимое кладбище» (Достоевский), образец и пример прогресса (революционные демократы), источник неприятностей и организатор нестроений (охранители-консерваторы). Вокруг западных ценностей, вокруг идей Просвещения, вокруг религиозной и политической эмансипации развиваются идеология и практика великих реформ Александра II и постреформенной реакции Александра III. Но какие бы крайние формы не принимали про- и антизападные взгляды русских деятелей, никто из них (кроме, возможно, самых радикальных представителей народного религиозного поиска) не соглашался признать *Запад явлением цельным и враждебным России и русским*. Западные революционеры дружили с русскими, русские цари, политики и чиновники вели свои игры с европейскими дворами, заключались и перезаклучались союзы, достигались – после досадного поражения в Крымской войне – всё более значительные победы. Разве можно было приписывать «Западу» – от дружественной новой страны по имени Северо-Американские Соединенные Штаты и союзной Французской Республики до династически родственных Великобритании, Дании и Германии – какие-либо единые русофобские позиции? Вот, например, Япония с Россией воевала, финансируя при этом революцию 1905 года, а президент США Теодор Рузвельт Японию с Россией мирил. Или Англия вместе с Францией в общей Первой мировой войне против «центральных держав» и Турции поддерживала самые смелые упования русских в направлении Царьграда и Проливов, а германский генштаб, напротив, интриго-

вал, забрасывая в Россию своих агентов влияния в plombированных вагонах...

Можно даже не вникать в довольно известную фактографию начала века – о тайных усилиях японцев, немцев, англичан и французов, в результате соединенного действия которых обрушилась династия, а выстрадавшая победа русского оружия обернулась распадом Империи. «Тайная война против России» была тайной не потому, что «масонские» (или «сионские») мудрецы организовали ее по секрету. Цивилизационные конкуренты России ничего и не скрывали – это Россия, имея глаза, не видела, имея уши, не слышала. Вот и вся «тайна».

Само восприятие происходящего, сам язык обсуждения событий не позволяли русским умам увидеть свою вне-положенность Западу, свою роль *объекта* для «европейской» экспансии. Россия и русские воспринимали себя *субъектом* европейского исторического процесса. Между тем, достаточно будет просто отметить: Россия, одно из наиболее хорошо подготовленных к войне государств мира, держава с мощной армией и эффективной дипломатией, союзник и партнер основных центров силы в мире, за исторические ничтожное время – с середины XIX до середины XX века – *была остановлена Западом, именно им – Западом – вычеркнута из всех цивилизационных проектов, ради которых она участвовала в «мировом концерте».*

Еще в 1876 году Данилевский мог с полным основанием проектировать будущее «Славянского союза» со столицей в освобожденном Константинополе. С чем пришла Россия в XX век? С полной и системной потерей всех позиций, которые так или иначе зависели бы от лояльности или хотя бы отсутствия вероломства со стороны «наших партнеров» с западной стороны. С утратой шансов на «Проливы» и «Царьград». А самое главное, с западным коммунизмом, нанесшим русскому проекту сокрушительный удар в самое сердце, – удар, едва не ставший последним.

Россия и коммунизм

Призрак коммунизма пришел в Россию из Европы – а после его ухода из России она сама едва не стала призраком.

Коммунизм в середине XIX века подытожил европейское Просвещение, стал иррациональным обожествлением западного рационализма, довел до абсурда западный антропоцентризм, избавив идеологию Великого Инквизитора от остатков религиозной маскировки.

Однако коммунизм как западная идеология оказался для России и русских чудовищной социально-психологической ловушкой потому, что в его лицемерных, инквизиторских формулировках было погребено принципиальное различие между русской и западными системами ценностей.

Повторю здесь, не вдаваясь в подробный анализ, интуитивно очевидное. Ценности Запада – вовсе не «Свобода – Равенство – Братство» (это всего лишь французская революционная реклама). Ценности Запада – это «Свобода – Собственность – Законность» (интересно, что так был сформулирован современным русским философом-западником официальный лозунг партии «Выбор России» на выборах в Государственную Думу в 1993 году). Личная свобода. Священное право частной собственности. Закон, который должен торжествовать даже ценой крушения мира. Культ индивидуализма, конкуренции и всевластия юридической бюрократии.

Русская триада очень похожа, очень близка, но отличается в корне. Свобода, собственность и законность – для русского сознания важные, но служебные ценности. Инструменты. Свобода – инструмент для защиты чести и достоинства. Собственность – ресурс для труда и творчества. Законность – способ достижения правды и справедливости. И если бы Русская революция не стала Великим октябрьским социалистическим фальстартом, то на ее знаменах вместо французского слогана были бы, наверное, написаны слова «Честь, Труд и Правда».

Ловушка, заложенная в западном коммунизме для русской души, порождена сутью западной морали. Вместо «несть человека, яко жив будет и не согрешит» и «единого Безгрешного» – догмат о непогрешимости бюрократического института по имени «римский епископ». Вместо сознания собственного несовершенства – узурпация безусловного «знания как надо» и окончательность собственной правоты.

До определенного момента, пока задача избавления от химеры совести не была поставлена и решена честно, «быть правым» значило «быть хорошим», а понятие «хорошего» навязывалось – с давних времен – остатками христианства. Поэтому западный коммунизм, продолжая западный утопический социализм и западный же утопический католицизм, был вынужден кодифицировать христианские ценности, отбросив – первоначально – собственно Христа (сначала Его подменили «наместником» как единственного Главу Церкви, а потом и как Бога). В утопическом символе коммунистической веры были закреплены формулы, отвергающие в западной душе то, что осознавалось как противоречащее христианству, – индивидуализм, конкуренцию и государственное насилие. Закреплены, как это было свойственно культуре Запада до ее дехристианизации, лицемерно и неискренне.

Собственно, именно о таком – западном – социализме, «ангсоце», рассказывалось в гениальном романе Оруэлла «1984». Только сегодня можно понять, что оруэлловская пародия гораздо ближе к реальности политкорректного Евросоюза XXI века, чем к brutальной сталинской диктатуре 1948 года. «Свобода есть рабство». «Незнание – сила». «Война – это мир». Но на Западе коммунизм не победил – во всяком случае, напрямую, грубо и лживо.

Оказалось, что провозглашать в качестве политических целей «идеи добра» слишком опасно – они взрывают изнутри самое важное в организме европейской цивилизации, подрывают основы этики и идеологии успеха, давно уже вытеснившие за пределы западной идентичности евангельские заповеди. Русский мир срезонировал в 1917 году на лозунги коммунизма совершенно по-другому, чем западное общество. Диалектическое двоемыслие Запада было воспринято русским массовым сознанием «в лоб»: как провозглашение высших ценностей свободы, знания и миролюбия, ценностей «добра», противостоящего «злу». Воспринято с колоссальным, сокрушительным *доверием*. Доверием, тут же жестоко обманутым, но так и не сломленным.

Общим местом антикоммунистической пропаганды стало развенчание ре-

волюционных лозунгов. Землю у крестьян отобрали и передали государству. Провозгласив народам мир, объявили войну «всем буржуям». Хлеб стали распределять по карточкам. А власть рабочих узурпировала номенклатурная бюрократия. Незамеченным осталось другое: сила (а значит, и правда) этих лозунгов пережила и грубый обман, и десятилетия жестокой диктатуры. В конце концов, именно сила коммунистических лозунгов, *искренне* впитанных и усвоенных миллионами бывших пионеров и комсомольцев, сокрушила казавшуюся нерушимой силу советской власти – лицемерной, бюрократической и жестокой. Потому что деятельное отторжение народом еще вчера могучего строя было бы невозможно имитировать или навязать снаружи – советская власть рухнула под ударом возвратной волны обманутого народного доверия.

В результате русская душа осталась наедине с идеалами, разрушенными «своею собственной рукой». Великий октябрьский фальшарт 1917 года закончился в 1991 году Великим августовским сходом с дистанции и едва не выгудел в гудок колоссальную мощь рождающейся русской цивилизации. Мощь, в течение семидесяти лет совершившую невозможное – превратившую безграмотный «пранарод» в эффективную человеческую силу, наделенную энтузиазмом и интеллектом, творческой энергией, военной мощью, социальной гибкостью. Силу, которая вынудила чуждую, по сути своей враждебную, коммунистическую надстройку мимикрировать под русский базис, перемешивая и сплавляя воедино – до полной неразличимости в памяти потомков – великие русские успехи и огромного масштаба коммунистические провалы.

«Смыслом русского коммунизма» в XX веке стала не прекращающаяся – а только нарастающая и особенно страшная из-за завязанных глаз и заткнутых ушей – война Запада против становящейся русской цивилизации. Война, успешно перенесенная не просто на территорию России, а на территорию русской мысли и русского коллективного бессознательного.

Русский коммунизм перенаправил энергию русскости в русло решения проблем Запада. Вместо реализации своей судьбы русские занялись собиранием «за-

падных земель» – того самого Abendlandes – в антинациональный «союз советских социалистических республик», в имени которого сразу же растворилось имя России. Вместо пестования своей души и своих ценностей, русские вышли в авангард западного богоборчества. Обе эти «адовы работы» решали – правда, только как вариант – обе главные задачи западного мира: задачи выхода за государственные границы и рамки морали, задачи территориальной и моральной глобализации.

Однако глобализация Запада, его усиление и разрастание, его ориентация на конкуренцию и конфликт не могли не расширить спектр возможностей. К «глобальному миру» вело сразу несколько путей. Путь, по которому направили Россию, пугал – слишком мощные силы были выпущены на поверхность, слишком неожиданно наполнились русским духом романтические алые паруса нарисованной бригадины. Поэтому – как реакция на неоднозначность коммунизма, на его лицемерие, на его опасное заигрывание с моральным чувством – была реализована гораздо более честная, чисто западная, альтернатива. Фашизм.

Запад и фашизм

В последнее время силу и содержательность понятия «фашизм» пытаются изо всех сил дискредитировать. Утверждается, что слово «фашизм» стало бессмысленным ругательством, синонимом слова «очень плохо», которое каждый может бросить в лицо тому, кто ему не нравится. Это – эффективная ментальная самозащита части человечества от неожиданной, пугающей актуальности фашизма.

Никакого «расширения» и тем более «растворения» понятия «фашизм» на самом деле не происходит. Фашизм – далеко не «всякое» зло. Жестокость ордынских набегов, изощренность китайских пыток, саморазрушительная ярость ближневосточных шахидов, хищничество русских «братков» – все это разные формы зла, которые вовсе не обязательно являются фашизмом.

Если попытаться сформулировать кратко, то фашизм – это форма *деятельного человеконенавистничества*, это *нигилистический тоталитаризм*, основанный на культе

собственной правоты, которая оправдывает ненависть и жестокость через отрицание *биологического* равноправия «врага». «Враг» (которым по мере необходимости может быть произвольно назначен политический или религиозный оппонент, экономический конкурент, «туземец», заселивший вожделенную территорию) провозглашается и осознается *недочеловеком* (subhuman, Untermensch). Это позволяет *снять любые ограничения* с биологически и этически запрещенных форм внутривидового взаимоуничтожения и вогнать пораженное фашизмом общество в состояние истерической эйфории, массового садомазохистского психоза. *Освободить его от химеры совести.*

Формой самоорганизации фашистского общества становится «духовная бантустанизация» – социально-психологический апартеид, разделяющий людей по достаточно формальному признаку на «наших» и «не наших». Для всех разновидностей фашизма характерна особая форма брендинга, которая вводит в массовый обиход определенную «политическую моду» (от «Хайль Ющенко» до «Так Гитлер» – возможны варианты). Способом формирования кастовой структуры пораженного фашизмом общества (и одновременно способом выбора бренда) является самозванство – произвольное, не основанное ни на каких реальных предпосылках самоотождествление какой-либо группировки с произвольно же провозглашенной символической позитивной ценностью (возможны варианты: расовая чистота, социальная справедливость, рукопожатность, интеллигентность, пролетарское происхождение, иное).

Из вышесказанного следует, что фашизм – порождение именно западной культуры, дистиллят «насильственности» Запада, концентрированное выражение агрессивного западного стиля. Стиля, основанного на безудержном и бессовестном произволе *фанатичной правоты*. На «расизме» не обязательно этническом, возможно – социальном, политическом или даже этическом. На публичном и – да, *честном* – отказе от моральных ограничений при достижении собственных целей и реализации своего успеха.

Насыщенность западных идеологий прямо противоположными утверждения-

ми – о ценностях свободы, о протестантской этике, о Правлении Права и т.д. – не должно никого обманывать: все эти утверждения никогда не мешали и не мешают любым проявлениям самой агрессивной жестокости.

Удивительное дело – русскому самосознанию это очень трудно осмыслить хотя бы потому, что с нашей точки зрения мы, представители русской цивилизации, гораздо более жестоки, чем Запад. Один Иван Грозный чего стоит со своими опричниками. А тут еще Петр Великий с Петербургом, построенным на костях. Не говоря уже об ужасах революций и гражданских войн, о жестоких полицейских традициях, о религиозной нетерпимости и многом другом.

И только внимательное сопоставление некоторых фактов может нас встряхнуть и огоршить. Да, ужасы и жестокости опричнины Ивана Грозного – это ужасы и жестокости. Русские историки и политики рассуждают о них всегда горячо, иногда с сокрушением, иногда со вздорным, неумным восторгом, но никогда с безразличием и отстраненностью. А вот фигуры вроде Генриха VIII уже следующим поколением соотечественников воспринимались скорее как литературные персонажи. Кровавые пляски опричников потомками, современниками, да, похоже, и участниками осознавались как нечто апокалиптическое. Правоприменение в старой доброй Англии – смертная казнь через повешение для бомжей, побирушек и мелких воришек (не говоря уже об изощреннейшей в своей изобретательности системе видов квалифицированной смертной казни, то есть сочетания разных способов медленного убивания на фоне чудовищных пыток, за более серьезные преступления, вроде ведовства или фальшивомонетничества) – всего лишь издержки становления самой безупречной в истории юридической практики. Гонения на старообрядцев – многих казнили, а многие покончили с собой самосожжением – до сих пор ставятся некоторыми совестливыми мыслителями в вину грубости и жестокости русской власти и русского народа. Многовековая католическая гекатомба – публичные сожжения заживо на улицах и площадях европейских городов, продолжавшиеся до XIX века, – вносится разве что в реестр обви-

нений в адрес Церкви (а лучше – христианства как такового), но никак не отражается на благополучной самооценке «западного мира». Что уж тут говорить о проклятом и извечном русском «крепостничестве» (нечего и пытаться использовать в качестве аргументов какие-то слова о глубокой нравственной и религиозной рефлексии русского общества по поводу крепостного права, о специфике традиционных взаимоотношений между помещиками и крестьянами в России, о долгом пути к освобождению крестьян, начатом еще Екатериной II) на фоне давно изжитого и такого нормального производственного процесса эффективно использования черных рабов в качестве домашних животных в стране, основанной отцами-рабовладельцами на идеалах свободы и демократии!

Да что там говорить о минувших веках! Вот времена недавние – Вторая мировая война и все, что после нее. Все наше национальное самоосознание наполнено скорбью, сомнениями и горечью. Здесь и огромные жертвы, и предвоенные репрессии, и отношение к солдатам как к «пушечному мясу»... А вот западное общественное мнение – Good Guys – как-то совсем не угнетено сотнями тысяч гражданских жертв в Дрездене, Хиросиме и Нагасаки.

Так что, возвращаясь к «ценностям Запада», можно назвать феномен Good Guys уникальным. Безграничная способность оправдывать самих себя позволяет Западу «списывать» всё – сотни тысяч иракцев, стертых с лица земли не за понюшку фальшивого порошка, миллионы голодных и нищих во всем мире. Более того, современная самоуверенность морально несокрушимого Запада, основанная на «ценностях глобальной демократической цивилизации», освобождает от химеры совести эффективнее и безвозвратнее, чем самый откровенный нацизм и – потенциально – выводит за пределы гуманитарных ограничений уже не сотни тысяч и не миллионы, а миллиарды.

Парадоксальным образом фашизм – в его гитлеровском и муссолиниевском изводах – оказался интегрально менее опасен, чем глобальный демократический либерализм. Фашизм Гитлера был тоталитарен, но не был тотален – он содержал в себе ограничитель собственной мощи, потому

что не мог включить в свое нацистское «мы» весь западный мир (хотя и надеялся на это). Слишком резкий, слишком честный, слишком далекий от двоемыслия англофашизм – это воспаление на теле западного мира – оттянул энергию этой цивилизации от решения главной задачи, задачи *окончательного решения русского вопроса*.

Потому что Закат Запада – процесс неостановимый, но долгий. А вот Россия до его окончания может и не дожить. Потому что пока Запад вновь начал свой накат. Неостановимый. Глобальный. Чтобы «закатать» Россию и весь так и не возрожденный Русский мир в небытие раньше, чем «закажется» сам.

Накат Запада

Запад не победил Россию при Петре и после Петра, потому что не был достаточно силен. Он не справился с Россией ни в XIX, ни в XX веке, потому что не смог полностью консолидироваться. Но то, что не сложилось вокруг династических принципов или религии, то, что не срослось вокруг идеи чистой расы, то, для чего не хватило антикоммунизма, – стало гораздо ближе сегодня. Когда плюрализм, свобода личности, мультикультурность и толерантность стали основой воистину *тотального* всемирного тоталитаризма.

Шпенглер, описывая характерные черты заката цивилизации, выделяет понятие «второй религиозности» – то, что в новой, свежей культуре рождается как живой порыв души еще до того, как возникает навык рационального мышления, то, что на «пике» развития оформляется в величественные культы, совмещающие религиозное чувство и силу мысли, то на нисходящей линии – когда интеллект цивилизации угасает – проявляется вновь как яркая вспышка догматического иррационального суеверия. И если в «первой религиозности» душа культуры впервые показывает миру свой юный живой облик, то «вторая» – это прощальный взгляд стареющей и умирающей цивилизации.

Облик «второй религиозности» Запада, о котором в 1922 году Шпенглер только гадал, сегодня прояснился так же ясно, как сбывшийся по одному из его прогнозов об-

лик политической системы западного мира («Превратится ли при посредстве Наполеона “Соединенным Штатам” Европы ... в романтическую военную монархию на демократическом основании, или проделать это в XXI столетии... притом осуществляясь в виде чисто хозяйственного факта, – все это относится к области случайностей исторической картины»). «Религия» современного Запада избавляется от «чуждых» христианских наслоений католичества и протестантизма, сохраняя, со своей точки зрения, главное, что в них есть, – культ личного успеха, священное право на удовольствие и комфорт – ценой отказа от таких «лишних» и «устаревших» религиозных домыслов, как вера в Бога.

Конечно, это никакое не христианство – идеология *гомоцентризма* (в русской транскрипции слово приобретает необходимую двусмысленность) похожа на тот дух, который поднимал средневековых рыцарей в поход за Святым Граалем, как зомби на живого человека, трупом которого этот зомби является. Но всемирный апофеоз фашизма – глобальная западная *зомби-цивилизация* – куда опаснее, чем живой и растущий западный мир в лучшие свои годы. Хотя бы потому, что физических сил, материальных ресурсов и оружия у зомби-цивилизации ничуть не меньше, а то и больше. А вот насчет того, чтобы коммуницировать с ней, договариваться, достигать компромисса... Вот тут вместо хитрых, злобных, да каких угодно, но человеческих лиц – будь то Никсон, Киссинджер, Бжезинский, Тэтчер, Коль – появляются керри, псаки, нуланды, саманты остин-пауэрс... Ну, короче, кино все смотрели? Вот так они прут, выпустив когти, утробно рыча (о свободе, демократии, толерантности) – и безошибочно разделяя человечество на первый (свой) и последний (все остальные) сорта.

Зомби-цивилизация – именно то, чем она кажется. Мы привычно не верим в искренность Обамы и Псаки, обвиняем «наших партнеров» в двойных стандартах и подозреваем их в хитрых заговорах. Но «вторая религиозность» – интеллектуальная и нравственная деградация западного мира – действительно обрекает нас иметь дело с «партнерами»-роботами, с политикой, доведенной до пустых штампов на уровне лозунгов и до при-

митивного автоматизма – на уровне решений и действий. Очевидная аморальность, наглядная бесчеловечность, полная недоговороспособность – а что еще вы хотите от прущих на вас бесчисленными бесчувственными толпами высокоцивилизованных живых мертвецов?

Сегодня зомби группы «Центр» идут по Украине. Именно там начался и разворачивается глобальный «постхристианский крестовый поход» Запада. И ничего другого, кроме «наката Запада», за «украинской революцией 2014 года» нет.

Трансформация российско-европейско-американских противоречий вокруг Украины началась сразу же после 23 мая 1992 года – со дня подписания никакого не Будапештского, а действительно эпохального Лиссабонского протокола – приложения к договору СНВ-1 между СССР и США. До момента подписания этого протокола Запад в лице США активно сотрудничал с Россией, «выкручивая руки» министру иностранных дел Украины Зленко и добиваясь от него прекращения наглого ядерного шантажа. Однако после того, как Украина, Казахстан и Белоруссия (на территории которых к моменту распада СССР оставалось ядерное оружие) согласились с передачей России контроля и ответственности за него, политика стран Запада избавилась от двойственности. Всё, что происходило после этого, было направлено на превращение Украины в плацдарм для разрушения постсоветского пространства как платформы русской цивилизации.

До 2004 года эта деятельность носила умеренный, постепенный характер. Велась тонкая подстройка украинской элиты под западный формат, вкладывались серьезные средства в формирование гражданской инфраструктуры «украинства» как антироссийского и антирусского проекта. Сначала – протiwоестественный для нового большого государства отказ украинской элиты от двуязычия и культурного многообразия (что обеспечило бы сохранение и укрепление общественного консенсуса, сложившегося в конце 1991 года вокруг государственной независимости Украины). Потом, на рубеже веков – постепенная активизация конфликтности украинского политического класса с активным вовлечением

в процессы «гражданского строительства» и гражданского протеста (от проекта «Кучму – геть» до «оранжевой революции») огромных финансовых, организационных и политических ресурсов.

Начиная с 2004 года Запад перешел к системной цивилизационной аннексии Украины. При этом процесс носил комплексный – надполитический и внеэкономический – характер. В него были вовлечены все элитные группы общества (от экономических до культурных и образовательных), все политические силы – и никаких границ между бывшими «оранжевыми» и нынешними «донецкими» при этом не проводилось. Ключевым моментом здесь является «линия смерти» – до которой возможны любые компромиссы и гибкость, после которой – вообще никакие невозможны. Эта линия касалась исключительно вопросов участия России и никак не касалась тех сил на Украине, которые ошибочно считались «пророссийскими» (Виктора Януковича и его политических и экономических сообщников).

У Запада получилось практически все. Он просто немного поторопился.

Уже при Януковиче Украина – вслед за государствами бывшей советской Прибалтики, Молдавией и Грузией – стала превращаться в *полицайское государство*, в буферную структуру, обеспечивающую политическое и организационное прикрытие для окружения и оккупации (и последующей *евродезинтеграции*) России. Вмешательство Путина, попытавшегося (и даже сумевшего на какое-то время) остановить превращение Украины (с Януковичем во главе) в антироссийский плацдарм, стало жестом отчаяния, который был обречен на неудачу – почти. Почти – потому что слишком быстрый темп блицкрига, заданный Западом, не учел инерции процесса. Да, украинская политическая и бизнес-элита, подобно своим *одноклассникам* из других «союзных республик» бывшего СССР, подчинилась оккупационному полицай-президиуму быстро и без сопротивления. Дело оставалось за малым – за реальностью жизни миллионов людей, за их национально-культурной идентичностью, за социально-экономическими связями, не позволившими разрушить живое и целое без шума и крови. Вот и при-

шлось поднимать шум и – если понадобится – проливать большую кровь.

Именно поэтому геополитическая агрессия стала в феврале 2014 года слишком радикальной, слишком явной и создала для Запада и России ситуацию момента истины.

Стало очевидным: коридор возможностей для российской внешней политики предельно сужен. Потому что речь – кто бы и в чем «режим Путина» ни обвинял – идет не о выборе между нападением и нейтралитетом. А о выборе между капитуляцией и попыткой защититься, чтобы уцелеть. О выборе, который стал для России и ее элиты вызовом.

Тем более что резко сузился и коридор возможностей для российской внутренней политики. Украинский разлом прошел через русскую национальную душу – и сделал особенно наглядным все, о чем до сих пор удавалось молчать и не думать: ее границы, выходящие далеко за пределы государственных границ Российской Федерации, и ее сущность, ее индивидуальность, ее отдельность от духа и души западного мира.

Возникли совершенно сами собой – без изысканий политологов и конференций философов – те самые *духовные скрепы*, которые соединили и русскую «массовку», и русскую элиту в единый человеческий конгломерат. Все эти люди, еще полгода назад раздраженные друг на друга и не понимающие друг друга, соединились вокруг «нашего Крыма», все оказались готовыми к лишениям и способными на воодушевление. Мгновенно и кардинально изменился характер бытования и функционирования российского государства в российском обществе, стали возможными совершенно новые взаимоотношения между ними, позволяющие избавиться от неэффективной и репрессивной бюрократической автократии, но в случае необходимости – обрести мощнейший мобилизационный потенциал.

И сразу же стало ясно, что идеология нашлась сама собой. Что время для убеждения в чистоте евроинтеграционных намерений «западных партнеров» исчерпано. Что свобода, конечно, лучше чем несвобода, но и Россия – гораздо лучше, чем отсутствие

России. И что перед Русским миром во весь рост стоит задача глубоко *технологическая*. Это, кстати, было не раз показано в самых лучших западных фильмах категории Б и разобрано в замечательной шутке Министерства здравоохранения США¹. Потому что убедить или испугать автоматизированную, лишенную разума и эмоций зомбицивилизацию невозможно. Но против нее можно сражаться, ее можно перехитрить, в ней можно найти болевые точки и от нее можно защититься. Время – от Заката до Восхода – пока есть.

Дожить до Восхода

Поэтому полное и безоговорочное признание факта межцивилизационного конфликта с Западом, практическое планирование и реализация действий России в этом конфликте становится вопросом не просто государственной, но и биологической безопасности для всех, кто живет и собирается жить в Русском мире, для всех, кто является русским, независимо от национальной или этнической принадлежности.

Для нас – для таких людей – пространство возможностей сужается. Все мы – со всей нашей историей и культурой – ментально приучены к ориентации как на западные ценности, так и на западные стандарты личного комфорта. Все мы впитали гуманитарные достижения великой западной культуры. Провозвестье нового Русского мира, ослабленного десятилетиями тайной войны на уничтожение, ищущего новые формы для реализации и самоопределения, скорее всего будет выглядеть для нас как варварство – то есть так, как выглядели передовые отряды готов и вандалов с точки зрения их соплеменников, воспитанных в лучших римских традициях.

Знает ли Владимир Путин, что делает он сам и какими процессами вынужден пытаться управлять? Ответ не так уж важен. «Так всегда бывает в истории, – полагает Ни-

¹ Preparedness 101: Zombie Apocalypse // Centers for Disease Control and Prevention, May 16, 2011. URL: <http://blogs.cdc.gov/publichealthmatters/2011/05/preparedness-101-zombie-apocalypse>; русскую версию см.: <http://www.zombieparty.ru/2012/12/101.html>

колай Бердяев. – Ближайшие реальные цели служат лишь временным средством для далеких и таинственных исторических целей».

Единственное, что может сейчас противопоставить русский мир западному зомбированию, выводящему человеческие массы в автоматический режим социальной истерии, – это духовное и интеллектуальное индоктринирование, массовое воодушевление живым и искренним чувством правды.

Парадоксальным образом переводится на наших глазах смысл еще недавно общепризнанной западной ценности – верховенства закона. На высшем градусе эмоционального накала России бросают обвинения в законопреступлении, в нецивилизованном отрицании международного права (напомним, речь идет о так называемом Будапештском меморандуме 1994 года, который, в отличие от Лиссабонского протокола, является всего лишь политической декларацией) и – более того – в неполноценности: именно тут некоторые вспоминают об известном противопоставлении «понятий» «закону».

Русская традиция действительно иронизирует над юридическим законом («что дышло»), но совершенно по-другому относится к *правде*. Отторжение Крыма и Севастополя от России в 1991 году было *неправедным*. Унижение русского языка в Новороссии – *неправедным*. И ниспровергать ради торжества закона и принципов Будапештского меморандума весь мир (да хотя бы и несколько небольших городов, населенных сотней тысяч «ватников») русское чувство *по правде* допустить не может. Как не допустило в Крыму.

А вот умирать *за правду* – и за то, чтобы можно было говорить на своем языке, и чтобы детей можно было называть своими именами, и чтобы их не бомбили во имя торжества меморандума и европейского выбора – русское чувство рекомендует настоятельно...

Именно поэтому острота внешне-политического противостояния, в которое сегодня втянули Россию, не столь велика, пожалуй, как интенсивность внутривнутриполитического напряжения. И дело вовсе не только в массовой и давно перешедшей в автоматический режим истерике «пятой колонны»

(позволю себе здесь это дурацкое определение – оно достаточно емкое – для тех, кто осознанно и последовательно считает себя приверженцем западных ценностей, убежденным «западником»). В «пятой колонне» тоже разные люди бывают – в том числе (пока остались) и довольно искренние. Хотя их голос все более тих и (или) фальшив. Мадридская аналогия напоминает нам, что не только в «пятой колонне» было дело – Испанскую республику деятельно уничтожала изнутри *шестая колонна*, доблестные борцы за дело антифашизма во главе с товарищем Андре Марти, его консультанты из НКВД и прочие, кто развязал в тылу республики кровавую бойню. Не будем сегодня погружаться в анализ их марксистских разногласий, скажем лишь о том, что для всякой «шестой колонны» – бюрократических зомби – продажный враг (в нашем случае – белоленточник, за деньги Госдепа ненавидящий Путина) классово близок и понятен. А вот искренний союзник, который смеет поддерживать Путина *просто так*, потому что имеет собственные убеждения и видит в Путине их выразителя, – это гораздо хуже, чем предатель.

Так что пресловутая новая искренность Русской весны – та вдруг ниоткуда взявшаяся сила, которая быстро, по мановению руки, вернула России Крым, – куда более враждебна убогому, насквозь западному искусственному интеллекту роботизированной русской бюрократии, чем самое яростное «болотно-белоленточное» кликушество.

Их многое объединяет – симулянтов лояльности и имитаторов протеста. Сегодня и всегда. Точно так же сто лет назад объединенными силами придворных реакционеров и местечковых революционеров толкали они в пропасть «царский режим», соединившись своими враждующими меньшинствами против русского большинства, против нормального, человеческого и рассудительного русского народа. Тогда им удалось многое – вырвать казавшуюся неминуемой победу из рук могучей армии, уничтожить жизненный уклад огромной страны и подложить «международную» бомбу под оставшееся единым государством.

Сегодня отступать совсем некуда. Нужна ли нам гибель Запада? Нет, Россия

никогда и ни с кем не воевала на уничтожение. Она не делит мир на сорта. И если (когда) накал противостояния утихнет – снова заговорят о единстве и дружбе «от Атлантики до Тихого океана». Нужна ли Западу живая Россия? Западу как совокупности людей – да, многим миллионам среди мил-

лионов. Западу как цивилизации, жестокой, безумной и бесчувственной – ни в коем случае. Только смерть.

Так что вариантов нам не оставили. Чтобы выжить, нам нужно сопротивляться. Чтобы дожить до Восхода России – не быть закатанными Западом.